

УДК 821.111"20"

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ Ч. МЬЕВИЛЯ “The City & The City”

А.Ю. Колесников

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, 603950, Россия

Аннотация

Современный британский писатель Чайна Мьевиль (р. 1972), определивший свой жанр как «странную фантастику», в романе «Город и город» (*The City & The City*, 2009), как отмечено литературными критиками в рецензиях, уходит от привычного стиля в сторону более сложно организованного, жанрово отличного повествования. В настоящей статье представлены особенности городского ландшафта в этом переведённом на русский язык произведении. Актуальность исследования заключается в том, что, хотя в творческой биографии Мьевиля роман «Город и город» является поворотным, он остаётся одним из наименее исследованных, несмотря на то что здесь сформулированы ключевые проблемы европейского общества сегодня, затрагиваются острые вопросы мультикультурализма, межэтнического взаимодействия и природы политической и гражданской идентичности. Целью исследования является не столько анализ художественной специфики организации пространства в романе, сколько демонстрация тех социальных и политических контекстов, которые лежат в основе именно такого членения (локаций). В этой связи привлекаются работы Мишеля Фуко и ряда его последователей, связанные с изучением такого явления, как гетеротопия. Выбранный ракурс позволяет по-новому взглянуть на предмет и объект анализа. В заключение делается вывод о том, что Ч. Мьевиль ставит своей основной задачей исследование двух феноменов (*табу* и *граница*) в их сложной взаимосвязи.

Ключевые слова: нуар, английская литература, фантастика, социально-политическая фантастика, интерстициальность, гетеротопия

Чайна Мьевиль (China Miéville, р. 1972) в настоящее время является одним из ключевых британских авторов, работающих с такими жанрами, которые можно обозначить как фэнтези или фантастика. Его романы получали престижные премии: *British Fantasy* (2001, 2003)¹, *Hugo* (2010)², *Locus* (2003, 2005, 2008, 2010, 2011, 2012, 2013)³ и др. При этом нельзя сказать, что его творчество жёстко замкнуто исключительно в рамках указанных жанровых определений. Хотя сам Мьевиль определяет собственную художественную манеру как

¹ <http://www.britishfantasysociety.org/british-fantasy-awards/bfawinners/>.

² <http://www.thehugoawards.org/hugo-history/fo>

³ <http://locusmag.com/category/news/awards/>.

“странная фантастика” (англ. *weird fiction*) [1], можно говорить о том, что писатель стремится к размыванию жанровых границ, его произведения – своего рода литературный эксперимент, в задачи которого входит решение социально-политических вопросов. Это отчасти обусловлено политангажированностью самого писателя, его активной вовлечённостью в левопартийные силы Великобритании, чему способствует и докторская степень в области международных отношений, которую он получил за диссертацию о марксистской теории в применении к международному праву (см. [2]). Как автор художественной литературы Мьевиль получил известность за трилогию, куда входят переведённые на русский язык романы «Вокзал потерянных снов» (*Perdido Street Station*, 2000) (В.П.С.), «Шрам» (*The Scar*, 2002) (Ш.) и «Железный совет» (*The Iron Council*, 2004) (Ж.С.). Именно эти произведения, как правило, становятся предметом исследования учёных в России и за рубежом (см., например, [3–7]).

Роман «Город и город» (*The City & The City*, 2009) (Г.Г.), где писатель уходит от выработанного стиля, пытаясь соединить в единое целое элементы городского фэнтези, нуара, утопии и антиутопии, в настоящий момент изучен в меньшей степени. Так, на русском языке можно назвать исследование А.Е. Серикова [8], на английском – Й. Шимански [9], а также упоминания в трудах А.М. Батлера [10] и Л.Р. Брайанта [11]. Отдельно следует выделить работы П. Маркса [12] и Д. Харигана [13], в которых этот роман проанализирован в аспекте конструирования социальной, гражданской и политической оптики (моделей зрения/видения).

На наш взгляд, кажется продуктивным рассмотреть это произведение в свете как последних тенденций в литературоведении, так и через призму социальной антропологии и урбанистики, поскольку именно подобный ракурс позволяет выявить истинное социальное звучание данного текста, обозначить те актуальные проблемы западного общества, на которые указывает Ч. Мьевиль.

* * *

В одном из интервью Мьевиль признаёт, что именно «Город и город» оказался ближе всего к его научным, академическим интересам. Как исследователя Мьевея привлекают вопросы, связанные с границами (политическими, социальными, этническими и т. д.):

Я много работаю над вопросами границы, национального суверенитета, государственности и т. д. Честно говоря, эти вещи, о которых мы говорим: национальная или государственная границы – это что-то абсолютно абсурдное. Это полный абсурд⁴ (цит. по [7]).

Как меняется восприятие человеком мира при пересечении границы? Что конституирует эти границы? Какова онтология пограничных пространств? Исследованию именно этих вопросов посвящён анализируемый нами роман.

Действие разворачивается в пространстве двух городов: Бещель (Beszél) и Уль-Кома (Ul Qoma). Заметим, что эти топонимы вынесены автором в заглавие первой и второй частей романа, третья – «Брешь» (“Breach”). Связь между

⁴ Здесь и далее перевод наш. – А.К.

городами Мьевилем устанавливается на нескольких уровнях. Первый из них предопределяет развитие сюжета: главный герой, инспектор Тьядор Борлу, ведёт полицейское расследование убийства неизвестной девушки. Другие (более фундаментальные) не вводятся писателем сразу, тем самым он позволяет читателю самому понять, с чем имеет дело. Повествование лишено и обширных отступлений, которые могли бы способствовать прояснению ситуации. В результате читатель оказывается вынужден сам выстраивать сложную систему пространственных (локусных) отношений.

Действие начинается в городе Бещель. Он расположен не то в центральной, не то в юго-восточной Европе. Постепенно из той географии, которая отведена Бещелю, вырастает ещё и Уль-Кома. Не сразу, но читатель понимает, что имеет дело с двумя городами, разделяющими единое физическое пространство, но в остальном оказывающимися различными. Первое указание на это содержится уже в финале первой главы, когда инспектор Борлу замечает немолодую женщину:

An elderly woman was walking slowly away from me in a shambling sway. She turned her head and looked at me. I was struck by her motion, and I met her eyes. I wondered if she wanted to tell me something. In my glance I took in her clothes, her way of walking, of holding herself, and looking.

With a hard start, I realized that she was not on GunterStrász at all, and that I should not have seen her.

Immediately and flustered I looked away, and she did the same, with the same speed. <...> When after some seconds I looked back up, unnoticed the old woman stepping heavenly away, I looked carefully instead of at her in her foreign street at the façade of the nearby and local Gunter-Strász, that depressed zone (C.C., p. 12).

Шаркающей и раскачивающейся походкой по улице медленно удалялась какая-то пожилая женщина. Она повернула голову и посмотрела на меня. Я был поражён её движением и встретился с ней глазами. Подумал, не хочет ли она что-то мне сказать. Одним взглядом я вобрал в сознание её одежду, походку, манеру держаться и смотреть.

Сильно вздрогнув, я осознал, что она шла вовсе не по Гунтерстрац и что мне не полагалось её видеть.

Разволновавшись, я тотчас отвёл взгляд в сторону, и она сделала то же самое и с той же скоростью. <...> Когда через несколько секунд я повернулся обратно, не обращая внимания на старуху, тяжело ступавшую вдаль, то старался смотреть не на неё, шедшую по своей чуждой улице, а на фасады близлежащей и местной Гунтерстрац, этой зоны уныния (Г.Г., с. 23).

Здесь Мьевиль подчёркивает то, что отличает жителей двух городов, хотя осознать это читатель сможет не сразу. Женщина, которую встречает Тьядор Борлу, выделяется не какими-то телесными характеристиками, поскольку писателю неинтересно конструирование новых рас, как это было свойственно ему, например, в упомянутой выше трилогии (см. также [6, 15]); разницу создают одежда, манера ходить, вести себя, даже смотреть. Культурные и социальные маркеры, условности становятся ключевыми элементами гражданственности. Жителей двух городов разделяет не пространство, которое как раз оказывается общим, и не этническая принадлежность, а общественные конструкторы.

Искусственный, социально выстроенный характер границы между двумя городами подчёркивает также следующий факт. Все рождённые в Бещеле проходят обучение, усваивая до восьми лет маркеры того, что не только разделяет жителей двух городов, определяя их социальный статус, но и позволяет не замечать проявлений чужой жизни, иной административно-политической и гражданской среды (законы в городах отличаются). Сложность создаёт то, что география Бещеля и Уль-Кома переплетена, нет никакого аналога Берлинской стены, которая бы чётко установила физические границы. Горожане каждый раз вынуждены выстраивать её в своём сознании заново, сканируя пространство вокруг себя, замечая то, что относится к своему городу, и старательно не видя и не слыша проявления чужого. Изменяются сами когнитивные свойства зрения, слушания, даже обоняния. Жители Бещеля и Уль-Комы – это обладатели сходной телесности, но совершенно различной чувственности. Вдобавок последняя выстраивается под влиянием не внутренних, врождённых факторов, а посредством взаимодействия со средой. Это особенно проявляется в том, что, когда иностранец хочет посетить Уль-Кому или Бещель, он должен обучиться так же, как дети, то есть, находясь в одном из городов, не замечать происходящее (события, людей, вещи) в другом. Городская идентичность оказывается продуктом культуры, причём таким, который, с одной стороны, наделён онтологическим статусом, а с другой – требует постоянного культивирования.

Таким образом, два города в анализируемом романе Ч. Мьевеля располагаются в пространстве не физическом, а культурном. Читатель имеет дело с географией скорее социальной или психологической, и она постоянно переопределяет физическое пространство городов. Топология носит характер экзистенциальный, даже онтологический. Более того, для всей смысловой структуры романа не менее важно понятие, выраженное в приведённой выше цитате деэпричастием “unnoticing” – «не обращая внимания». Для жителей Бещеля и Уль-Комы способность игнорировать «соседей» оказывается важнейшим навыком, без которого само существование оказывается под угрозой. Взаимодействие (то, что в романе называется брешью, – намеренное или случайное вмешательство в события, течение жизни или взаимодействие с предметами другого города) между двумя городами носит характер строжайшего табу. Обитатель одного из городов может получить разрешение на пребывание в другом, но для этого он должен пересечь границу в отведённом для этого месте и после не замечать уже свой родной город.

Итак, в романе Мьевеля «Город и город» мы имеем два ментальных (когнитивных) пространства, которые наложены на одну физическую плоскость. Они раскалывают это целое надвое, однако видимых «швов» здесь нет, то есть материальное отсутствие границы не убирает её, а, напротив, даже усиливает. Как уже было сказано нами, именно исследование феномена границы (англ. *boundary*) – главная задача, которую решает Мьевиль в данном тексте. Поэтому его внимание привлекают не те части обоих городов-государств, что однозначно принадлежат тому или иному из них, а те, что находятся в пограничной зоне, являются оспариваемыми или общими (для таких пространств в романе используется термин “crosshatching” – «заштрихованный», заимствованный британским писателем из графики). Специфика взаимодействия людей, предметов

и явлений в таких интерстициальных образованиях, где два города буквально «сталкиваются» друг с другом, оказывается критической для понимания авторского замысла. Фактически эта штриховка («места, которые вносят разрывы в видимую бесшовность, непрерывность и нормальность повседневности» [16, с. 189]) выполняет функцию элемента, подрывающего привычный порядок вещей и заставляющего переопределять его заново. Такие пространства ещё М. Фуко (Paul-Michel Foucault) обозначил как гетеротопия. Этот термин он впервые употребляет в предисловии к своей работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (*Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*, 1966), противопоставляя утопии. Так, французский философ пишет:

Утопии утешают: ибо, не имея реального места, они тем не менее расцветают на чудесном и ровном пространстве, они распахивают перед нами города с широкими проспектами, хорошо возделанные сады, страны благополучия, хотя пути к ним существуют только в фантазии. Гетеротопии тревожат, видимо потому, что незаметно они подрывают язык; потому что они мешают называть то и то; потому что они «разбивают» нарицательные имена или создают путаницу между ними; потому что они заранее разрушают «синтаксис», и не только тот, который строит предложения, но и тот, менее явный, который «сцепляет» слова и вещи (по смежности или противостоянию друг другу) [17, с. 30–31].

В заштрихованной области в конечном итоге смешиваются нарицательные имена: одна и та же улица в двух городах будет названа по-разному. Но это позволяет выявить и другое: действительно ли вещи не тождественны? Вопрос постоянно всплывает на страницах романа, и часто, особенно когда речь идёт о социальных или культурных конструктах, Мьевиль указывает, что разномимённое, по сути, одно и то же. Например, для жителей Бещеля единое целое обнаруживают еврей и мусульманин, у них даже общее название – *эбру* (*ébru*) (С.С., р. 21; Г.Г., с. 36).

Тревога, которая не имеет явного источника, но постоянно присутствует в Бещеле и Уль-Коме, подчёркивается Мьевилем несколько раз, а в какой-то момент «заштрихованное» пространство прямо называется повествователем “threatening geography” – «тревожащая география» (С.С., р. 18)⁵. Этот эмоциональный процесс особенно ярко обнаруживает себя в те моменты, когда и те, и другие горожане вынуждены одновременно замечать и игнорировать друг друга, например во время управления автомобилем (С.С., р. 18–19; Г.Г., с. 30–32). Ощущение неопределённости, ожидания отрицательных событий сопровождается жителей Бещеля и Уль-Комы даже тогда, когда жизни ничего не угрожает, но сама возможность нарушения границы (вскрытие бреши) оказывается осмысленно через призму экзистенциального страха, который лежит в основе любого табу.

Онтологический статус подобных зон не случаен. Так, развивая идею гетеротопии, М. Фуко пишет:

Эта «промежуточная» область, в той мере, в какой она раскрывает способы бытия порядка, может рассматриваться как наиболее основополагающая, то

⁵ В русском издании романа данное выражение передано словом «угрожающе» (Г.Г., с. 31).

есть как предшествующая слова, восприятиям и жестам, предназначенным в этом случае для её выражения с большей или меньшей точностью или успехом [17, с. 34].

«Заштрихованное» пространство выявляет как идентичность, так и различия жителей городов. Это зоны столкновения с инаковым, и коллизия носит характер прививки. Оппозиция *свой – чужой*, являющаяся фундаментальной для человеческой культуры, здесь на время разрушается, но не полностью, происходит временный подрыв языка, культуры, социального (политического, когнитивного) синтаксиса, но такой, который не уничтожает, а лишь позволяет ещё сильнее уверовать в устоявшийся порядок вещей. Безусловно, если бы граница между городами носила не ментальный, а чувственный, физический характер (как в случае с Берлинской стеной), никакого усилия по формированию собственной идентичности, осознанию своей социальной самости не потребовалось бы, да и разница между жителями двух городов забылась бы быстро. Культуру поддерживает непрерывное усилие, и такие интерстициальные образования крайне необходимы для поддержания этого усилия.

Многие литературные произведения, как известно, становились в некотором роде иллюстрацией к концепциям своего времени. Например, «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо является переложением Локка [18]. Так и роман Ч. Мьевиля «Город и город» оказывается связан с большим количеством философских, социальных и политологических исследований. При этом нельзя сказать, что мы имеем дело исключительно с иллюстрацией этих концепций, художественным воплощением чужих идей. «Город и город» Мьевиля поднимает важнейшие вопросы современной Европы, для которой мультикультурализм не только не смог стать нормой, но оказался проблемой, разрешить которую не удаётся до сих пор. Декларируемое не избавило Европу от того, что отделяет одну культуру от другой. В своём романе Ч. Мьевиль обращает внимание на условный характер любого рода границ. Это выказывает не только идейное содержание произведения, но и формальное решение: писатель пытается разрушить сложившиеся литературные традиции, стремясь создать в пространстве единого целого калейдоскоп из элементов различных жанров. Гетеротопна не только природа пространственной организации романа «Город и город», но и его повествовательная (стилевая) суть. Проводя своего рода социально-антропологический эксперимент, Мьевиль вскрывает конвенциональную природу границы, а следовательно, и связанного с ней понятия «табу». Раздел (вне зависимости от того, проходит ли он между народами или государствами, выражается социально-классовыми расслоениями или носит иной характер) – целиком и полностью результат деятельности сознания людей, атрибут культуры. Включённость человека в процесс общественно-исторической практики сохранения традиций наделяет границу, а точнее запрет на её нарушение (табу), онтологическим, экзистенциальным значением.

Источники

В.П.С. – Мьевиль Ч. Вокзал потерянных снов / Пер. с англ. О. Акимовой, Г. Корчагина. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2006. – 832 с.

- Ш. – *Мьевиль Ч. Шрам* / Пер. с англ. Г. Крылова. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. – 813 с.
- Ж.С. – *Мьевиль Ч. Железный совет* / Пер. с англ. Н. Масловой. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011. – 639 с.
- С.С. – *Miéville C. The City & The City*. – New York: Del Rey, 2009. – 312 p.
- Г.Г. – *Мьевиль Ч. Город и город* / Пер. с англ. Г. Ямпольского. – М.: Эксмо, 2013. – 448 с.

Литература

1. Чайна Мьевиль: Биография писателя. – URL: <http://readly.ru/author/16108/>, свободный.
2. *Miéville C. Between Equal Rights: A Marxist Theory of International Law*. – Leiden; Boston: Brill, 2005. – 375 p.
3. *Hourigan D. On the possibility of legal form in Miéville’s speculative fiction* // *Law and Literature*. – 2018. – V. 30, No 2. – P. 167–184.
4. *Doherty N. Hybridized possibilities: China Miéville’s “The Scar” and “The Conjuring Law”* // *Law and Literature*. – 2016. – V. 28, No 2. – P. 233–254.
5. *Bowser R.A., Croxall B. Like clockwork: Steampunk pasts, presents, and future*. – Minneapolis; London: Univ. Minnesota Press, 2016. – 228 p.
6. *Shaw D.B. Strange zones: Science fiction, fantasy and the posthuman city* // *City*. – 2013. – V. 17, No 6. – P. 778–791.
7. *Gordon J. Hybridity, heterotopia, and mateship in China Miéville’s “Perdido Street Station”* // *Science-Fiction Studies*. – 2003. – V. 30, No 3. – P. 456–476.
8. *Сериков А.Е. Фантастика как источник описания повседневных поведенческих моделей (на примере романа Ч. Мьевилья «Город и город») // Третьи Лемовские чтения: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием памяти Станислава Лема / Отв. ред. А.Ю. Нестеров. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2016. – С. 493–517.*
9. *Schimanski J. Seeing Disorientation: China Miéville’s “The City & The City”* // *Culture, Theory and Critique*. – 2016. – No 1. – P. 106–120.
10. *Butler A.M. The Tain and the Tain: China Miéville’s Gift of Uncanny London* // *The New Centennial Review*. – 2013. – V. 13, No 2. – P. 133–154.
11. *Bryant L.R. Onto-Cartography: An ontology of machines and media*. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2014. – 313 p.
12. *Marks P. Monitoring the invisible: Seeing and unseeing in China Miéville’s “The City & The City”* // *Surveillance and Society*. – 2013. – V. 11, No 3. – P. 222–236.
13. *Hourigan D. Breach! the law’s Jouissance in Miéville’s “The City & The City”* // *Law, Culture and the Humanities*. – 2013. – V. 9, No 1. – P. 156–168.
14. *Mieville Handout* // Module EN361 “Introduction to Alternative Lifeworlds Fiction (Science Fiction, Fantasy and the Weird)” by Dr Andrew Stones and Dr Graeme Macdonald for current undergraduate students in the Department of English and Comparative Literary Studies at the University of Warwick. – URL: <https://www2.warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/undergraduate/modules/en361/fantastika/mie769villehandout.pdf>, свободный.
15. *Kendrick C. Socialism and fantasy: China Miéville’s fables of race and class* // *Monthly Review*. – 2016. – V. 67, No 9. – P. 13–24.
16. *Харламов Н. Гетеротопии: странные места в городских пространствах // Синий диван. – 2010. – № 15. – С. 189–197.*
17. *Фуко М. Слова и вещи* / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сэд, 1994. – 406 с.

18. *Clark K. Jure Divino: Defoe, Locke and Milton, and Political Theory // Daniel Defoe.* – London: Palgrave Macmillan UK, 2007. – P. 51–77.

Поступила в редакцию
20.12.17

Колесников Александр Юрьевич, аспирант, ассистент кафедры зарубежной литературы
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
пр-т Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, 603950, Россия
E-mail: alik.kolesnikoff@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 1, pp. 198–206

**The Specificity of Urban Landscape Arrangement
in the Novel “The City & the City” by China Miéville**

A.Yu. Kolesnikov

N.I. Lobachevski State University, Nizhniy Novgorod, 603950 Russia
E-mail: alik.kolesnikoff@yandex.ru

Received December 20, 2017

Abstract

The paper analyzes the novel of C. Miéville “The City & the City” (2009), which synthesizes elements of various genres: noir-novel, dystopia, mystery, social novel, etc. The relevance of the study is associated with issues raised in the novel: inter-ethnic communication, political and social identification, and construction of a multicultural society. The purpose of the study is to analyze the time-space organization of urban space in the novel to identify not only the principles of the design of novel space, but also to show how they relate to social and political issues of the novel. In order to fulfill this purpose, the analysis involves the work by Michel Foucault and his followers associated with the development of the concept of heterotopia. The paper provides several examples showing that splitting a single physical space into two mental cities (Beszel and Ul Qoma) described in the novel is ontological, existential. The identity of the characters is manifested not in the places that are associated with a clear understanding of what city they belong to, but in where there is uncertainty – common and intermediate (interstitial) spaces. These common spaces are a kind of heterotopia exposed the serving of the most fundamental things in the world. Important in this regard is the concept of crosshatching, which determines the mental identity of space. C. Miéville shows conventional, cultural status not only of the phenomenon of the border, but of any social or national identity. One of the most important results of the study is that non-traditional literary analysis tools have been used to investigate the literary text specificity. The obtained results can be used not only by academic scholars in the analysis of spatial-temporal organization of a literary text, but also by representatives of other disciplines (particularly, sociology and anthropology) as an example of the analysis of a specific social model (in this sense, the text of the novel can be considered as a mental social or anthropological experiment).

Keywords: noir, English literature, science fiction, socio-political fiction, interstitiality, heterotopy

References

1. China Miéville: The writer’s biography. Available at: <http://readly.ru/author/16108/>. (In Russian)
2. Miéville C. *Between Equal Rights: A Marxist Theory of International Law*. Leiden, Boston, Brill, 2005. 375 p.

3. Hourigan D. On the possibility of legal form in Miéville's speculative fiction. *Law and Literature*, 2018, vol. 30, no. 2, pp. 167–184.
4. Doherty N. Hybridized possibilities: China Miéville's *The Scar* and *The Conjuring Law*. *Law and Literature*, 2016, vol. 28, no. 2, pp. 233–254.
5. Bowser R.A., Croxall B. *Like Clockwork: Steampunk Pasts, Presents, and Future*. Minneapolis, London, Univ. Minnesota Press, 2016. 228 p.
6. Shaw D.B. Strange zones: Science fiction, fantasy and the posthuman city. *City*, 2013, vol. 17, no. 6, pp. 778–791.
7. Gordon J. Hybridity, heterotopia, and mateship in China Miéville's *Perdido Street Station*. *Science-Fiction Studies*, 2003, vol. 30, no. 3, pp. 456–476.
8. Serikov A.E. Fantasy as a source for description of common behavioral models (based on China Miéville's novel "The City and the City"). *Tret'i Lemovskie chteniya: Sb. materialov Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem pamyati Stanislava Lema* [the 3rd Lem Lectures: Proc. All-Russ. Sci. Conf. with Int. Part. in Memory of Stanislav Lem]. Nesterov A.Yu. (Ed.). Samara, Izd. Samar. Univ., 2016, pp. 493–517. (In Russian)
9. Schimanski J. Seeing disorientation: China Miéville's *The City & the City*. *Culture, Theory and Critique*, 2016, no. 1, pp. 106–120.
10. Butler A.M. The Tain and the tain: China Miéville's gift of uncanny London. *The New Centennial Review*, 2013, vol. 13, no. 2, pp. 133–154.
11. Bryant L.R. *Onto-Cartography: An Ontology of Machines and Media*. Edinburgh, Edinburgh Univ. Press, 2014. 313 p.
12. Marks P. Monitoring the invisible: Seeing and unseeing in China Miéville's *The City & The City*. *Surveillance and Society*, 2013, vol. 11, no. 3, pp. 222–236.
13. Hourigan D. Breach! The law's Jouissance in Miéville's *The City & The City*. *Law, Culture and the Humanities*, 2013, vol. 9, no. 1, pp. 156–168.
14. Mieville Handout. In: *Module EN361 "Introduction to Alternative Lifeworlds Fiction (Science Fiction, Fantasy and the Weird)" by Dr Andrew Stones and Dr Graeme Macdonald for current undergraduate students in the Department of English and Comparative Literary Studies at the University of Warwick*. Available at: <https://www2.warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/undergraduate/modules/en361/fantastika/mie769villehandout.pdf>.
15. Kendrick C. Socialism and fantasy: China Miéville's fables of race and class. *Monthly Review*, 2016, vol. 67, no. 9, pp. 13–24.
16. Kharlamov N. Heterotopies: Strange places in urban areas. *Sinii Divan*, 2010, no. 15, pp. 189–197. (In Russian)
17. Foucault M. *The Order of Things*. St. Petersburg, A-cad, 1994. 406 p. (In Russian)
18. Clark K. Jure Divino: Defoe, Locke and Milton, and political theory. In: *Daniel Defoe*. London, Palgrave Macmillan UK, 2007, pp. 51–77.

⟨ **Для цитирования:** Колесников А.Ю. Специфика организации городского пространства в романе Ч. Мьевилля "The City & The City" // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 1. – С. 198–206. ⟩

⟨ **For citation:** Kolesnikov A.Yu. The specificity of urban landscape arrangement in the novel "The City & The City" by China Miéville. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 1, pp. 198–206. (In Russian) ⟩